

АНДРЕЙ ЯКОВЕНКО

КАМЕНЬ
РАЗДОРА

Легенды Элдрадана

Андрей Яковенко

Камень раздора

«Автор»

2026

Яковенко А.

Камень раздора / А. Яковенко — «Автор», 2026 — (Легенды Элдрадана)

Лириан Рапсод, известный на весь континент эльфийский бард и собиратель легенд, оказывается в подземном городе гномов Раффлхоллоу, где местный историк раскрывает ему страшную тайну шахтёрского народа. В обнаруженных древних записях неизвестный летописец изложил историю происхождения Камня Толгара, священной реликвии гномов, которая свела с ума их правителей и чуть не привела к упадку весь клан. Это история о том, как один предмет может завладеть разумом множества людей и заставить их возненавидеть друг друга. Или же причина этой ненависти скрыта внутри их самих? Узнайте, что побуждает людей яростно бороться за власть, не щадя ни врагов, ни друзей.

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Божественное дарование	18
Глава 2. Хранилище знаний	30
Глава 3. Последний вздох	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Андрей Яковенко

Камень раздора

Пролог

Дорога, петляя меж поросших мхом валунов и пологих холмов, то ныряла в тенистые рощицы карликовых берёз, цеплявшихся корнями за скудную почву, то взбиралась на каменистые взгорья, откуда открывался захватывающий вид на долину. Ветер, гулявший по склонам, доносил шёпот трав и звонкие переливы ручьёв, стремительно бегущих вниз, к подножию гор. Вдали, словно изумрудные блёстки, мерцали небольшие озёра, отражая в своей глади синеву неба. Солнце, клонясь к горизонту, окрашивало вершины горы Эналдук в багряные и золотые тона, будто желая в последний раз подчеркнуть их суровую красоту перед наступлением ночи. Повозка, скрипя и вздрагивая, медленно продвигалась вперёд, оставляя за собой шлейф пыли, поднимавшейся от копыт усталых лошадей.

Постепенно окружающий пейзаж начал претерпевать изменения. Пышная зелень уступала место каменистой пустоши, усеянной острыми скалами и осыпями. Травы становились всё более жёсткими и колючими, а деревья – приземистыми и корявыми, словно выжившими после жестокой битвы со стихией. Всё чаще стали попадаться следы гномьей деятельности: заброшенные каменоломни, груды отработанной породы, сломанные телеги. Воздух наполнился терпким запахом гари и минералов, предвещая близость шахтёрских поселений.

На горизонте стали отчётливо видны массивные стены Раффлхоллоу, сложенные из тёмного камня. Они казались продолжением горных хребтов, будто сама гора извергла их из своих недр. Высокие башни, увенчанные зубчатыми парапетами, угрюмо возвышались над стенами, напоминая стражей, веками охранявших вход в таинственное подземелье. Тёмные провалы бойниц зловеще зияли, как пустые глазницы, наблюдающие за приближающимися путниками.

Повозка, подгоняемая нетерпеливым кнутом возницы, миновала узкий проход между двумя сторожевыми башнями и въехала под свод массивных ворот. Здесь, в тени каменных стен, царил полумрак. Вокруг сновали шахтёры – коренастые гномы, чьи лица были измазаны угольной пылью, а взгляды казались настороженными. Их кожа, лишённая солнечного света, выглядела бледной и болезненной, а тела – сгорбленными от непосильного труда. Большие, мясистые носы, искривлённые шрамами, и маленькие, глубоко посаженные глаза выражали угрюмость и недоверие. На головах не было ни единого волоска, словно сама земля выпила из них жизненную силу. Одеты они были в грубые холщовые рубахи и штаны, усиленные кожными вставками, а на ногах – прочные сапоги с металлическими накладками.

Шахтёры Эналдука – народ, чья жизнь неразрывно связана с недрами гор. Поколениями они добывают из земли руду и драгоценные камни, обеспечивая процветание Раффлхоллоу и всего Плиорского Королевства. Суровый труд, тяжёлые условия жизни и постоянная опасность сформировали их характер: угрюмый, подозрительный и негибачный. Они немногословны, практичны и ценят лишь то, что можно потрогать руками. Скупость и жадность стали для них почти добродетелями, ведь каждый найденный самоцвет или кусок руды – это гарантия выживания в этом неприятном мире. К чужакам они относятся с недоверием, опасаясь обмана и предательства. Доверяют они лишь своим соклановцам, с которыми плечом к плечу работают в шахтах, рискуя жизнью ради общего блага. Они верят в Толгара, бога-покровителя шахтёров, и считают, что именно он дарует им защиту в недрах земли и направляет к богатым залежам. Их культура пропитана духом труда и преданности клану, а праздность и развлечения считаются пустой тратой времени. В их сердцах горит огонь упорства и выносливости, закалённый

тяжёлыми испытаниями и опасностями, подстерегающими на каждом шагу в тёмных глубинах шахт.

Вдоль узких улочек, напоминающих кровеносные сосуды, тянулись выдолбленные в скале дома и мастерские. Здесь и там виднелись лавки, заваленные рудой, инструментами и прочими шахтёрскими принадлежностями. Воздух был наполнен запахом гари, угля и тяжёлого физического труда. Повозка, пробираясь сквозь толпу, то и дело задевала за плечи шахтёров, заставляя их ворчать и огрызаться.

Встречались и редкие представители других рас. Люди, в основном торговцы, одетые в добротные, но потрёпанные дорожные костюмы, сновали между лавками, предлагая свои товары. Орки, могучие и свирепые, с грубыми чертами лица и тяжёлыми цепями на шеях, явно нанимались в качестве охраны. Легарты, скользкие и ловкие, с блестящей чешуёй и хитрыми глазами, вели переговоры с шахтёрами, предлагая экзотические товары и услуги. Однако, все они казались инородными в этом мрачном и суровом мире, будто случайно попали в чужой муравейник.

Наконец, повозка, миновав уличный лабиринт, прибыла на небольшую станцию, расположенную в самом центре наземной части города. Это было крытое помещение, построенное прямо в скале, с низким потолком, подпираемым грубыми деревянными балками. Вдоль стен тянулись скамьи, на которых в ожидании прибытия или отправления сидели уставшие путники. В воздухе висела густая смесь запахов: конского навоза, пота, копчёного мяса и дешёвого пива.

Повозка остановилась, и возница, выкрикивая ругательства, принялся разгружать багаж. Следом за ним прыгнул молодой эльф, чей наряд резко контрастировал с угрюмой атмосферой Раффлхоллоу. На нём был зелёный камзол, украшенный вышивкой в виде причудливых узоров, и коричневые штаны, заправленные в высокие сапоги. На голове красовалась небольшая шапочка с прикрепленным к ней пером. Светлые волосы, как солнечные лучи, выбивались из-под шапки, обрамляя щетинистое лицо с тонкими чертами и большими, лучистыми глазами. На плече висела старенькая лютня, выдавшая множество походов, но определённо бережно хранившаяся.

Эльф огляделся вокруг, с любопытством рассматривая окружающих. Шахтёры, казалось, не обращали на него никакого внимания, словно он был невидимкой. Лишь несколько детей украдкой поглядывали на него, шепчась и тыча пальцами. Бард улыбнулся им, но они тут же отвернулись, испуганно прячась за спины взрослых.

Он направился к небольшому окошку, расположенному у входа на станцию. За ним сидел пухлый шахтёр с бледным лицом и насупленными бровями. Он был одет в форму таможенника, состоящую из грубой холщовой рубахи и кожаного фартука, испачканного угольной пылью.

– Доброго дня, почтенный! – весело произнёс эльф, приподняв шапку.

Шахтёр оторвал взгляд от какой-то бумажки и уставился на него с нескрываемым раздражением. Его маленькие глаза, казалось, прожигали дыру в эльфе.

– Имя? – спросил он, не удостоив эльфа ни малейшей улыбкой.

Прибывший слегка удивился такой нелюбезности, но быстро взял себя в руки. Он привык к разному отношению к себе, особенно в тех местах, где эльфы были редкостью.

– Лириан Рапсод, к вашим услугам! – гордо воскликнул он, ожидая, что известное на весь континент имя произведёт хоть какое-то впечатление на угрюмого шахтёра.

Однако таможенник никак не отреагировал. Его лицо оставалось непроницаемым, будто высеченным из камня. Эльф даже немного расстроился. Ему всегда нравился момент, когда собеседник понимал, с кем имеет дело, и начинал расплываться во всевозможных комплиментах, пытаясь порадовать артиста.

– Цель визита? – вновь буркнул таможенник, не проявляя ни малейшего интереса к личности прибывшего.

– Я приехал в Раффлхоллоу как турист, – ответил Лириан, стараясь придать своему голосу как можно больше энтузиазма. – А вообще-то, я бард! И хочу повеселить местных своими песнями и балладами!

Таможенник окинул Рапсода скептическим взглядом, скользнув по его нарядному камзолу и старенькой лютне.

– Ну... удачи... эльф, – сказал он, переворачивая какую-то бумажку. – Следующий!

Лириан вздохнул, понимая, что его попытки очаровать таможенника оказались тщетными. Он забрал свои документы и направился к выходу, чувствуя себя немного разочарованным. «Что ж, – подумал он, – не все же любят музыку и веселье. Но я уверен, что найду в Раффлхоллоу тех, кому придутся по душе мои песни!»

Миновав таможенный пункт, Лириан оказался на узкой улочке, ведущей вглубь города. Здесь царила ещё большая теснота и суеда, чем на станции. Шахтёры, снующие туда-сюда, словно муравьи в муравейнике, то и дело задевали его плечом, не удостоивая ни единым взглядом. Лириан, привыкший к более уважительному отношению к своей персоне, чувствовал себя немного неловко.

Он попытался было завести разговор с одним из шахтёров, но тот лишь буркнул что-то невнятное и отвернулся. Лириан вздохнул. «Эх, – подумал он, – похоже, здесь не очень-то любят болтливых эльфов».

Тут его внимание привлекла небольшая ювелирная мастерская, где пожилой гном с кропотливостью работал над каким-то украшением. Эльф остановился, заворожённый искусностью мастера. Гном, заметив его интерес, поднял глаза и окинул Лириана оценивающим взглядом.

– Что тебе нужно, эльф? – спросил он угрюмо.

– Я просто люблюсь вашим мастерством, – ответил Лириан, стараясь быть как можно более любезным. – Ваши украшения просто восхитительны!

Гном хмыкнул, но в его глазах промелькнула искра гордости.

– Да, – сказал он, – мы, Хазадуры, умеем делать красивые вещи из камня.

– Хазадуры? – переспросил Лириан, не понимая, о чём идёт речь.

– Да, – ответил гном, – это имя моего рода. Мы – лучшие ювелиры во всём Раффлхоллоу.

Лириан кивнул, догадавшись, что имеет дело с представителем одного из ведущих шахтёрских семейств Эналдука. Он решил воспользоваться случаем и расспросить гнома о Раффлхоллоу.

– А что вы можете рассказать мне об этом городе? – спросил он. – Я здесь впервые, и мне всё очень интересно.

Гном нахмурился, обдумывая, стоит ли делиться своими знаниями с чужаком.

– Раффлхоллоу – это город шахтёров, – сказал он, наконец. – Здесь обитают трудолюбивые и честные гномы. Но мы не любим тех, кто бездельничает и живёт за чужой счёт.

– Я – бард, – промолвил эльф. – Я зарабатываю на жизнь своими песнями и балладами. И я уверен, что смогу развлечь жителей Раффлхоллоу своим искусством.

Гном хмыкнул, но ничего не ответил. Он снова принялся за работу, будто забыв о присутствии Лириана. Эльф понял, что разговор окончен, и поспешил удалиться, не желая надоедать угрюмому мастеру.

Вскоре улица вывела Лириана к огромной арке, вырезанной прямо в отвесной скале. Арка, казалось, служила главным, а возможно и единственным, окном в мир для обитателей этого подземного царства. Массивные створки ворот, окованные железом и украшенные вырезанными изображениями кирок и молотов, были распахнуты настежь, приглашая войти в таинственные глубины Раффлхоллоу.

Эльф остановился, впечатлённый величием этого сооружения. Он никогда не видел ничего подобного. Арка, как колоссальный портал, соединяла мир солнечного света и свежего

воздуха с мрачным и загадочным миром подземелья. Лириан закинул голову, пытаясь разглядеть вершину арки, но она терялась в полумраке и растворялась в самой скале.

Искусная резьба, покрывающая створки ворот, поражала своей детализацией. На ней были изображены сцены из жизни шахтёров: добыча руды, работа в кузнице, празднование победы над подземными чудовищами. Каждая деталь была выполнена с такой любовью и вниманием, что казалось, будто сами камни оживают под руками талантливых мастеров.

Лириан подошёл ближе, чтобы лучше рассмотреть резьбу. Он провёл рукой по шершавой поверхности камня, чувствуя тепло, исходящее от него. Эльф закрыл глаза, пытаясь представить себе тех людей, которые создали это чудо. Он почувствовал их гордость за свой труд, любовь к родному городу и непоколебимую веру в своё дело.

Забыв о своих разочарованиях и сомнениях, эльф ощутил прилив вдохновения. Он понял, что Раффлхоллоу – это не просто угрюмый шахтёрский город, а место с богатой историей, уникальной культурой и сильным духом народом. И он, Лириан Рапсод, должен рассказать миру об этом удивительном месте, превратив его истории в волшебные песни и баллады.

Полный решимости и энтузиазма Лириан сделал шаг вперёд и вошёл под свод массивной арки, готовый открыть для себя все тайны шахтёрской столицы.

Лириан как будто шагнул в иное измерение. Снаружи, хоть и блёклым, но всё же оставался солнечный свет. Здесь же царил полумрак, рассеиваемый лишь тусклым светом факелов, укреплённых на стенах, да редкими масляными лампами, которые кое-где висели над входом в жилища. По мере того, как Лириан углублялся в каменный лабиринт, воздух становился всё более спёртым, напоённым запахом пыли и чего-то ещё, неуловимо знакомого, что пробуждало в памяти смутные воспоминания о глубинах пещер, где он бывал в детстве.

Улицы здесь были ещё уже и извилистее, чем в торговом квартале на поверхности. Скальные стены, казалось, смыкались над головой, образуя тесные коридоры, ведущие вглубь горы. Именно здесь располагались семейные кварталы – самое сердце Раффлхоллоу, где жили шахтёрские семьи.

Лириан шёл, стараясь не задевать проходящих мимо гномов, большинство из которых не обращали на него никакого внимания. Вдоль коридоров, выдолбленных в скале, тянулись небольшие пещеры, служившие жилищами для семей. Стены пещер казались голыми и неприветливыми, но умелые руки превратили их в уютные уголки, украшенные резьбой, амулетами, полками с домашней утварью и выцветшими портретами.

В щелях между камнями виднелись окна, затянутые тканью или пергаментом, чтобы хоть как-то преградить путь холодному ветру, душаему из шахт. Из этих окон доносились тихий гомон разговоров, смех детей, стук ткацких станков и запах готовящейся еды. Лириан, привыкший к тишине лесов, был поражён этим гулом, но в нём чувствовалось что-то тёплое и живое.

Он заглянул в одну из пещер, где несколько поколений одной семьи коротали время в тесноте. Внутри располагалась общая комната, где за деревянным столом собиралась вся семья. Над очагом висели горшки и сковороды, а на полках стояли книги, инструменты и семейные реликвии.

Лириан увидел, как дети играли в необычные игры, а старики читали старинные книги. Женщины занимались рукоделием, а мужчины чинили инструменты, готовясь к новой смене. Атмосфера в этой пещере, несмотря на тесноту, казалась невероятно уютной и мирной.

Вскоре узкий коридор вывел Лириана на небольшую площадь, служившую, судя по всему, центром семейного квартала. Здесь кипела жизнь: дети весело проводили время, женщины обсуждали какие-то бытовые темы, а мужчины возили тяжёлые тележки с разными шахтёрскими принадлежностями. Посередине площади возвышался огромный каменный барельеф, высеченный прямо в скале.

Лириан подошёл ближе. Барельеф изображал сцену, наполненную мистическим смыслом и величественным спокойствием. В центре композиции возвышался Толгар, бог-покровитель шахтёров. Лириан, изучая историю Элдрадана, уже был наслышан об этом божестве, но никогда не видел его изображения. Толгар, как и полагается, предстал перед ним в образе могучего гнома.

Статный, широкоплечий, с крепкими руками и ногами, он был высечен из монолитного камня. Его лицо было суровым и непреклонным, а взгляд пронизывал насквозь. На голове он носил простой, но прочный шлем, а его броня, казалось, была выкована из самой горной породы, настолько она была массивной и несокрушимой.

Рядом с Толгаром стояли шахтёры, преклонившие колени перед своим богом. Их лица были полны восхищения. Они простирали руки к нему, словно моля о защите и благословении.

В руках покровитель держал сверкающий камень, из которого исходило яркое свечение. Камень, казалось, был живым, излучая тепло и энергию.

Лириан задумчиво рассматривал барельеф. Он чувствовал мощь и величие, исходящие от изображения Толгара, его стойкость и преданность своим последователям. В этот момент ему стало ясно, что вера в своего бога – это не просто часть культуры Раффлхоллоу, а основа жизни, сила, которая помогает шахтёрам выживать в самых суровых условиях.

Вдохновлённый красотой барельефа и силой духа шахтёров эльф не смог сдержать творческого порыва. Руки сами потянулись к лютне, висевшей на плече, а пальцы – к струнам, словно стремясь выплеснуть переполнявшие его эмоции. На площади в тот момент воцарилась тишина, нарушаемая лишь гулом подземного города и редкими возгласами шахтёров.

Он закрыл глаза, настраиваясь на мелодию, рождавшуюся в его душе. Струны отозвались мягким перезвоном, будто шепча эльфийские заклинания. И вот, полились первые аккорды – печальные и торжественные, как эхо древних легенд. Голос Лириана, чистый и звонкий, наполнил площадь, разносясь по закоулкам семейного квартала.

Войной объята Плиория наша,
Вампирская тьма наступает всерьёз.
Элберт Воинственный – гордость и слава,
Ведёт за собой нас, не ведая слёз.
Он мнил себя мудрым, искусным стратегом,
Но гордыня туманит и разум крадёт.
Забыл он про долг, про народ и про веру,
Мечтал о величии дни напролёт.

В победу уверовав, пошёл он на Хилмарн,
Где вампиры плели свою тёмную нить.
Там хитростью Элберт был переигран,
И войску плиорскому не победить.
Дрогнул Воитель, забыв про присягу,
Оставил солдат погибать в темноте.
Бежал, словно вор, потерявший отвагу,
И город Гринард предал грядущей беде.

В Гринарде Вилорий встал пред врагом,
Седой полководец, прожжённый боями.
С уцелевшими воинами пошёл напролом,
Зарядив их своими большими речами.
Хоть стар, но сражался, как лев, беспощадно,

И Князя вампирского собою отвлѣк.
Погиб, но дал время собрать оборону,
В Плиории пламя надежды зажѣг.

Помните, люди, о славе пустой,
Что ложь и гордыня несут за собой!
И помните тех, чьи имена, словно свет,
Сияют сквозь тьму через тысячи лет!

Голос Лириана затих, будто растаяв в воздухе. Последние аккорды лютни прозвучали эхом, отражаясь от каменных стен. Эльф открыл глаза, ожидая увидеть на лицах шахтѣров восхищение и благодарность за прекрасную песню.

Однако, вопреки ожиданиям Лириана, на площади не произошло ничего особенного. Шахтѣры, казалось, не обратили на его выступление никакого внимания. Большинство продолжало заниматься своими делами, будто музыка и вовсе не звучала. Кто-то переговаривался, кто-то чинил инструменты, кто-то просто сидел, погружённый в свои мысли. Лишь несколько гномов, находившихся поблизости, бросили на Лириана недовольные взгляды, полные подозрения и неприязни.

Только дети, игравшие неподалѣку, прервали своё занятие и с любопытством уставились на эльфа. Их глаза, обычно полные озорства, сейчас были широко раскрыты от восхищения. Они как зачарованные слушали музыку, позабыв обо всѣм на свете.

Но их родители, заметив это, быстро отреагировали. Подбежав к детям, они схватили их за руки и потащили прочь, ворча что-то о бродячих эльфах и бесполезных развлечениях. Один из отцов, бросив на Лириана злобный взгляд, процедил сквозь зубы: «Нечего слушать этих бездельников. Лучше бы делом занялись».

Лириан, опустив лютню, почувствовал укол разочарования. Он всегда привык к восторженному приѣму, к аплодисментам и похвалам. А здесь, в Раффлхоллоу, его талант, казалось, никому не нужен. Музыка, призванная озарить эту мрачную пещеру, осталась неслышанной и непонятой.

Бард, стараясь не встречаться взглядом с презрительными шахтѣрами, уже собирался покинуть площадь, как вдруг услышал тихий, неуверенный голос.

– Э... эльф? Пойдите!

Лириан остановился и обернулся. Перед ним стоял гном, чей внешний вид резко отличался от привычного облика шахтѣра. Он был коренастый, но заметно заплывший жиром, а плечи слегка ссутулены, будто из-за давней травмы спины. На бледном, почти безжизненном лице выделялся крупный нос с лёгкой горбинкой, а маленькие, круглые уши казались приплюснутыми к голове. Но больше всего внимание привлекали круглые очки. Сквозь толстые стѣкла его прищуренные глаза казались огромными, создавая комичный, но в то же время немного печальный эффект. Голова его была полностью лысой, как у всех гномов Эналдука. Одет он был в простую хлопковую одежду: свободную рубаху и штаны, поверх которых красовалась поношенная кожаная жилетка.

– Я... я хотел сказать... – пробормотал гном, переминаясь с ноги на ногу. – Мне... мне очень понравилась ваша песня.

Лириан удивился. Неужели хоть кто-то в этом городе оценил его талант?

– Правда? – с надеждой в голосе спросил он. – Я очень рад это слышать!

– Да... да, – закивал гном, поправляя очки. – Это была очень... красивая песня. И... и очень грустная.

– Спасибо, – улыбнулся бард, чувствуя теплоту на душе. – Я очень рад, что она тронула ваше сердце.

– Меня зовут Корбух, – представился гном, протягивая Лириану неуверенную руку. – Корбух Двуггорт.

– Лириан Рапсод, – ответил эльф, пожимая руку Корбуха. – Очень приятно познакомиться!

– Взаимно, господин Рапсод! – сказал Корбух, на его щеках выступил лёгкий румянец. Затем он понизил голос почти до шёпота и огляделся, явно опасаясь быть услышанным. – Не поймите меня превратно, но здешние обитатели, к моему великому сожалению, не слишком искушены в изящных искусствах. Их разумы более заняты рудой и камнем, нежели вдохновенными мелодиями и мудрыми словами.

Лириан расцвёл в улыбке.

– О, вы как луч света во тьме! – воскликнул он, прикладывая руку к сердцу. – Я уже начал было думать, что в этом славном, но несколько... приземлённом месте совершенно не ценят прекрасное! А что вы скажете о моём исполнении?

Эльф взглянул на Корбуха с артистическим ожиданием. Ему не терпелось услышать похвалу, изложенную этим застенчивым шахтёром.

– Вы большой мастер! – Корбух вновь нервно поправил очки. – Очень трагично вышло. Я, признаться, знаком с этой историей. Но позвольте полюбопытствовать, как вы, эльф, узнали о ней? Ведь эта баллада – о событиях, что произошли давным-давно, и хорошо известны они только историкам Плиории!

Чувствуя, что беседа принимает интересный оборот, Лириан оживился ещё больше.

– Дорогой Корбух! – воскликнул он, взмахнув рукой. – Такие барды, как я, находят вдохновение в самых разных источниках! Странствуя по миру, я собираю легенды и предания, как шахтёры драгоценные камни. И должен признать, эта история особенно тронула моё сердце!

– Она отзывается и в моём народе, ведь в те годы его чуть полностью не истребили! – дополнил Двуггорт. – После войны города были разрушены, большая часть архивов утеряна, многие семьи вырезаны... Однако, благодаря сплочённости клана Эналдук, мы сумели отстроить разрушения, восстановить ремесленные гильдии и возродить наш клан. И, возможно, излишняя угрюмость шахтёров – это отголоски давних времён, когда само выживание клана стояло под вопросом...

– То, что случилось с вашим народом в ту вампирскую войну, действительно трагично, – произнёс Лириан с искренним сочувствием в голосе. – Я рад слышать, что клан Эналдук смог возродиться из пепла и вновь обрести своё величие. Ваша стойкость достойна восхищения!

– Благодарю вас, господин Рапсод, – ответил Корбух. – Мне тоже приятно пообщаться с действительно интересной личностью. В Раффлхоллоу такое случается нечасто.

– О, Корбух, вы слишком добры ко мне, – скромно потупил взгляд Лириан, но тут же вновь засиял своей обворожительной улыбкой. – Но позвольте сменить тему! Я просто заворожён этим барельефом! – он указал на каменную громаду, возвышавшуюся за их спинами. – Что он означает? Не расскажете ли мне эту историю с точки зрения шахтёров? И что это за дивный камень Толгар дарует вашему народу?

Корбух на мгновение задумался, словно собираясь с мыслями.

– Это... Камень дорханга, – промолвил он тихим, но торжественным голосом. – Он символизирует господство шахтёров над горой Эналдук и всеми её неисчерпаемыми сокровищами. Мы верим, что Толгар даровал нам эту власть, чтобы мы могли добывать из земли руду и драгоценные камни, принося процветание Раффлхоллоу и всей Плиории.

– Дорханг... – задумчиво повторил Лириан. – Что означает это слово?

– Дорханг – это титул главы клана Эналдук, – пояснил Корбух. – Он является верховным правителем Раффлхоллоу, и его воля – закон для всех жителей города. Толгар даровал ему этот камень, чтобы дорханг правил мудро и справедливо, защищая интересы своего народа.

Лириан с интересом слушал Корбуха. История этого народа казалась ему всё более увлекательной и загадочной.

– Но, как я понимаю, всё не так просто? – спросил эльф, смотря в глаза гному.

Корбух помрачнел, его взгляд стал тревожным. Он вновь оглянулся по сторонам. Затем гном понизил голос почти до шёпота.

– Боюсь, всё гораздо сложнее, господин Рапсод. Да, Толгар вручил нам Камень дорханга, даровав власть над горой. Но это дарование привело к ужасающим последствиям, из-за которых клан чуть не пришёл в упадок.

Бард удивлённо вскинул брови.

– Каким образом так могло выйти? – спросил он. – Я не понимаю...

Корбух вздохнул.

– Правящая верхушка тщательно подчистила архивы, – ответил он, – скрыла от народа ту кровавую бойню, которую устроили Знатные Семьи. Официальная история гласит о мудром правлении дорханга и процветании Раффлхоллоу. Но я... я откопал правду.

Он замолчал, словно не решаясь продолжать.

– И что же вы обнаружили? – с нетерпением спросил Лириан.

Корбух в очередной раз оглянулся по сторонам.

– Я выяснил, что после дарования Камня дорханга между Знатными Семьями началась жестокая борьба за власть, – прошептал он. – Они плели интриги, устраивали заговоры и убивали друг друга... Раффлхоллоу оказался на грани гибели.

– Но как же так? – воскликнул Лириан, поражённый услышанным. – Почему об этом никто не знает?

– Тише, прошу вас... Всё из-за того, что правящая верхушка тщательно скрывает правду, – объяснил Корбух. – Они боятся, что их власть окажется под угрозой.

Лириан задумался.

– И вы хотите, чтобы мир узнал об этой истории? – спросил он.

– Да, – твёрдо ответил Корбух. – Народ должен знать правду о своём прошлом. Только тогда мы сможем избежать повторения ошибок. Но я боюсь... боюсь репрессий со стороны дорханга Лентара Унгримма. Если они узнают о том, что я копаюсь в архивах, меня ждёт неминуемая гибель.

Лириан посмотрел на гнома с сочувствием.

– Тогда я предлагаю вам свою помощь, – произнёс он. – Расскажите мне всё, что знаете. А я... напишу балладу об этих событиях. И благодаря моей песне весь мир узнает о трагедии, случившейся в Раффлхоллоу.

Корбух на мгновение замер, обдумывая предложение барда. Его глаза, скрытые за толстыми стёклами очков, казалось, изучали душу эльфа, пытаясь разглядеть его истинные намерения. Наконец, он кивнул.

– Я... я согласен, – прошептал он. – Но здесь небезопасно. Нам нужно уйти отсюда.

– Куда же нам направиться? – поинтересовался Лириан.

– К моему дому, – ответил Корбух. – Там тихо и спокойно. Никто не сможет нас подслушать.

– Отлично, – согласился Лириан. – Тогда идём!

Корбух слегка оживился.

– Подождите... – он нервно откашлялся. – Господин Рапсод...

– Послушайте, Корбух, – перебил его Лириан с мягкой ухмылкой. – Прошу вас, перестаньте называть меня «господином». Я не люблю формальности. Зовите меня просто Лириан.

– Хорошо... Лириан, – исправился Корбух, и на его лице появилась робкая улыбка.

Затем гном огляделся по сторонам и махнул рукой, призывая Лириана следовать за ним. Быстро зашагав по узким улочкам Раффлхоллоу, Корбух повёл эльфа в самое сердце семейного квартала, к своему укромному жилищу.

Лириан с любопытством рассматривал строения по пути, вглядываясь в детали, которые могли рассказать о жизни их обитателей. Дома здесь были приземистые, вросшие в скалу, и тесно прижатые друг к другу, будто искали тепла в этом мрачном месте. Стены, сложенные из грубо отёсанного камня, были покрыты слоем копоти и мха, свидетельствуя о долгих годах, проведённых в тени.

Наконец, Корбух остановился перед одним из домов, внешне ничем не отличавшимся от остальных. Лишь небольшая табличка, прибитая над дверью, с вырезанной на ней незатейливым шрифтом надписью на шахтёрском языке, указывала на то, что это чьё-то жилище, а не просто часть скалы. Сама дверь, массивная и окованная железом, говорила о том, что её хозяева ценят безопасность и уединение.

Корбух дрожащими пальцами достал из кармана связку ключей, долго возился, подбирая нужный, и, наконец, с тихим щелчком отворил дверь.

– Прощу, Лириан, – пригласил он, жестом пропуская эльфа вперёд. В его голосе звучало нетерпение, смешанное с тревогой.

Лириан вошёл в дом, ощущая, как густой, затхлый воздух обволакивает его, словно плотное одеяло. Внутри был полумрак, и глазам понадобилось время, чтобы привыкнуть к тусклому свету, проникавшему сквозь небольшое окошко. Обстановка была скромной, но чувствовалась заботливая рука, создававшая здесь уют, несмотря на суровые условия. Комната, служившая одновременно и гостиной, и столовой, была обставлена простой деревянной мебелью: массивный стол, окружённый несколькими табуретами, старый сундук, служивший скамьёй, и кровать, застеленная домотканым покрывалом с выцветшим узором. В углу располагался очаг, над которым висели закопчённые горшки и сковороды, а на полках, прикреплённых к стене, теснились книги, свитки и разнообразные мелочи, создававшие ощущение обжитости. В воздухе витал сложный аромат: сушёных трав, специй и старого дерева.

В комнате находилась пожилая гномиха, сидевшая на табурете у очага. Её фигура, согнутая годами тяжёлой работы, казалась совсем хрупкой. Морщинистое лицо, испещрённое паутинкой тонких линий, выражало спокойствие и мудрость. Но больше всего внимание привлекали её глаза: тусклые, но живые, они смотрели на мир с пониманием и добротой.

– Корбух, это ты? – спросила она тихим, немного дрожащим голосом, не отрывая взгляда от очага.

– Да, мама, это я, – ответил Корбух, подходя к ней и нежно целуя в щёку. – Я привёл гостя.

Старушка медленно повернула голову, и её взгляд, как луч света, упал на Лириана. В её глазах мелькнуло изумление, будто она увидела нечто совершенно невероятное.

– Эльф? – прошептала она, сомневаясь в реальности происходящего. – В нашем доме эльф? Не помню, чтобы такое случалось...

Но тут же она взяла себя в руки, и её лицо расплылось в приветливой улыбке.

– Прощу, проходите, молодой человек, – сказала она, с трудом поднимаясь с табурета. – Не обращайтесь внимания на моё удивление. Я всегда рада гостям. Особенно таким... необычным.

– Спасибо, – поблагодарил Лириан, очарованный её добротой и простотой. Он слегка поклонился, проявляя уважение к старшей (хотя ему уже двести два года и формально она годилась ему как минимум в дочери). – Меня зовут Лириан. Как я могу обратиться к вам?

– Нустральда, – ответила гномиха. – Нустральда Двуггорт. Приятно познакомиться, Лириан. Добро пожаловать в наш скромный дом.

Она внимательно оглядела эльфа с головы до ног, словно оценивая его.

– Корбух, а гость, наверное, проголодался с дороги? – спросила она, вновь обращаясь к сыну. – Я как раз заканчиваю приготовление грибных котлет. Осталось совсем немного картофеля почистить, и можно будет садиться за стол.

– Мама, спасибо, но у нас с Лирианом очень важные дела, – резко ответил Корбух, даже не взглянув на Нустральду. Он явно нервничал и хотел поскорее закончить с формальностями. – Мы поужинаем позже, когда закончим.

Лириан почувствовал, как в его душе поднимается волна негодования. Ему не понравилась грубость Корбуха по отношению к матери.

– Прошу прощения у вас, Нустральда, – сказал он, поворачиваясь к старушке и одаривая её своей самой обаятельной улыбкой. – Корбух, конечно, прав, у нас есть некоторые вопросы, которые нужно обсудить. Но я буду счастлив составить вам компанию за ужином позже. Ваши грибные котлеты наверняка восхитительны! Я знаю, что гномы – превосходные кулинары!

Лицо Нустральды озарилось радостью.

– Ах, какой же вы галантный молодой человек! – воскликнула она, всплеснув руками. – Мне очень приятно это слышать!

Корбух нервно переступил с ноги на ногу, будто стоя на раскалённых углях.

– Лириан, нам действительно пора, – сказал он, беря гостя за руку и тянучи его в сторону. Он повёл эльфа в дальнюю часть дома, где находилась его комната.

Корбух отворил дверь, и Лириан переступил порог, оказавшись в обители гномьего интеллекта и творческого хаоса. Комната, вопреки ожиданиям, оказалась довольно просторной, но при этом была тесной из-за обилия предметов, заполнявших каждый её уголок. Здесь, похоже, Корбух не только спал, но и работал, питался, а также предавался своим научным изысканиям.

Вдоль стен высились полки, заставленные книгами, свитками, глиняными табличками и всевозможными артефактами. Казалось, что здесь собрана библиотека видного учёного, или даже нескольких поколений гномьих мудрецов. На полу, в беспорядке, валялись стопки пергамента, исписанные замысловатым почерком. Какие-то схемы, чертежи, карты и диаграммы были развешаны на стенах, образуя причудливый коллаж, отражавший сложные мыслительные процессы, происходившие в голове Корбуха.

Посреди комнаты стоял большой деревянный стол, заваленный книгами, свитками, чернильницами, перьями, лупами и другими письменными принадлежностями. Создавалось впечатление, что здесь одновременно велись несколько научных проектов, и Корбух пытался соединить все знания воедино. Рядом со столом стояла простая кровать, застеленная грубым одеялом, и небольшой сундук, служивший одновременно и шкафом, и местом для хранения самых ценных вещей.

В углу комнаты, рядом с окном, стояла небольшая жаровня, наполненная углём. Над ней висел закопчённый чайник и стояла кружка, что свидетельствовало о том, что Корбух часто предавался долгим чаепитиям, размышляя над сложными вопросами. В целом, комната создавала впечатление уютного беспорядка, отражая характер своего хозяина: рассеянного, увлечённого и немного не от мира сего.

– Прошу, не обращайте внимания на хаос, – смущённо пробормотал Корбух, наблюдая за тем, как Лириан с любопытством рассматривает его жилище. – Здесь всегда так... немного... неорганизованно.

– О, не стоит извиняться, Корбух, – ответил Лириан с улыбкой. – Я вижу здесь не хаос, а творческий беспорядок. Это же настоящая сокровищница знаний! Я бы с удовольствием провёл здесь несколько дней, изучая все эти книги и свитки.

– Что вы, что вы, Лириан! – засуетился Корбух. – Не стоит так говорить. Мои труды вряд ли покажутся вам интересными.

– А как так вышло, Корбух, что вы вместо работы в шахте столько времени проводите за чтением? – спросил Лириан. – Не в обиду будь сказано, но это несколько необычно для гнома. Обычно ваши братья и отцы в шахтах копаются, а вы тут пергаменты перебираете. Неужели вас с детства тянуло к знаниям?

Корбух вздохнул и опустил взгляд.

– Вы правы, Лириан. Это действительно необычно для гнома. Но... так сложились обстоятельства.

Он немного помолчал, собираясь с мыслями.

– Дело в том, что я... не очень-то пригоден для работы в шахте, – признался он. – Я всегда был слабее своих братьев, и мне трудно давалась тяжёлая физическая работа. К тому же, однажды...

Гном запнулся, не решаясь продолжать.

– Однажды... что? – подтолкнул его Лириан с мягким участием в голосе. Эльф понимал, к чему клонит собеседник (ещё при встрече он заметил проблему Корбуха), но дал ему возможность рассказать самому, чтобы не показаться некорректным.

– Однажды я получил травму, – прошептал Корбух, и его лицо исказилось от боли. – Во время работы в шахте произошёл обвал, и меня завалило камнями. Я чудом остался жив, но повредил спину. С тех пор больше не могу работать физически.

Двугорт вновь вздохнул.

– После этого я обратился к книгам, – продолжил он. – Я нашёл в них утешение и смысл. Стал изучать историю Раффлхоллоу, легенды о Толгаре, древние языки... это стало моей страстью, моей жизнью.

– О, Корбух, как же это трагично! – воскликнул Лириан, прикладывая руку к сердцу. – Но, как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло! Благодаря этой травме вы открыли для себя мир знаний и стали настоящим учёным. А ведь, кто знает, может быть, вы были бы сейчас простым шахтёром, и никто бы никогда не узнал о вашем таланте.

Корбух покраснел и смущённо улыбнулся.

– Ну что вы, Лириан! – пробормотал он. – Я всего лишь скромный исследователь.

– Не прибедняйтесь, Корбух! – возмутился Лириан. – Я вижу, что вы – человек необычайного ума и любознательности. И уверен, что вы ещё прославитесь своими открытиями!

Корбух махнул рукой, словно отгоняя от себя эти мысли.

– Ладно, Лириан, – сказал он. – Хватит обо мне. Лучше я покажу вам то, что меня так взволновало.

Он подошёл к своему столу, заваленному книгами и свитками. Отодвинув в сторону несколько томов, он освободил место и жестом пригласил Лириана присесть.

– Здесь не очень удобно, – извинился он, – но, думаю, вам будет достаточно места.

Затем гном наклонился и достал из небольшого сундучка, стоявшего под столом, стопку скреплённых листов пергамента.

– Это... – начал гном, кладя стопку на стол. – Недавно я, как обычно, посетил городскую библиотеку и провёл там почти весь день. Мне казалось, что ничего интересного снова не найду... Как вдруг мне на глаза попала эта стопка пергамента, спрятанная в куче старинных книг.

– И что же там было? – с нетерпением спросил Лириан.

– Я начал читать эти записи... – прошептал Корбух, и его голос задрожал. – И понял, что передо мной записки какого-то гнома о событиях, произошедших много столетий назад, когда клан Эналдук оказался на грани уничтожения из-за распрей между его ведущими семьями.

Он посмотрел на Рапсода широко раскрытыми глазами.

– Этот таинственный участник тех событий не стал называть себя, – продолжил он, – но изложил всё крайне подробно. И я был в шоке, когда ознакомился с его записями.

– Звучит крайне любопытно, – ответил ему Лириан. – Давайте же не будем тянуть время! Рассказывайте, Корбух.

В глазах эльфа вспыхнул исследовательский азарт. История Раффлхоллоу, как древний лабиринт, манила его своими тайнами и загадками. Он чувствовал, что стоит на пороге открытия чего-то важного, способного перевернуть представления о прошлом этого мрачного, но гордого города.

Не теряя ни секунды, Лириан достал из своей дорожной сумки небольшой кожаный блокнот и перо, которое всегда носил с собой. Его пальцы, привыкшие к струнам лютни, ловко скользнули по пергаменту, готовясь запечатлеть слова, которые вот-вот должны были прозвучать.

Корбух, тем временем, нервно оглядывался по сторонам, будто опасаясь невидимых ушей. Его взгляд, мечущийся по комнате, выражал смесь страха и решимости. Информация, которую он собирается поведать Лириану, может быть крайне опасной. Знатные Семьи не зря скрывали эту историю от своего народа на протяжении стольких столетий. Раскрытие правды могло повлечь за собой непредсказуемые последствия, как для него самого, так и для Лириана.

Собравшись с духом, Корбух сделал глубокий вдох и придвинулся ближе к Лириану, понизив голос почти до шёпота.

– Вы должны знать, Лириан, – начал он, – что эта история полна лжи и предательства. Она рассказывает о том, как жажда власти и богатства чуть не уничтожила наш народ. И если кто-то узнает, что именно я поделился этими знаниями с вами...

Он не договорил, но эльф понял его без слов.

– Не бойтесь, Корбух, – заверил он гнома, – я буду хранить тайну своего источника, как зеницу ока. Мир обязательно услышит эту историю, и никто даже не подумает, что откопал её любопытный шахтёр из Раффлхоллоу.

С этими словами бард опустил перо на пергамент, а Корбух принялся за чтение.

«Величие клана Эналдук, чьи корни глубоко уходили в самые недра горы, было чем-то большим, чем просто могущество и богатство. Автор этих древних записей, чьё имя, увы, затерялось в веках, описывает его с такой ностальгией, словно вспоминал золотой век, давно ушедший. Он писал о том, что вся экономика Плиории, как живое существо, дышала в ритме работы шахт Эналдука. Добываемые здесь руды, драгоценные металлы и самоцветы составляли основу благосостояния королевства, делая его процветающим и сильным.

– Наши плечи, – пишет он, – эти натруженные, мозолистые плечи шахтёров, несут на себе бремя всей нашей страны. Мы – фундамент, на котором воздвигнуты дворцы королей и храмы богов. И это, увы, порождает зависть.

Дварфы из Снежногорья, чьи собственные горные пустоши казались лишь бледной тенью в сравнении с изобилием Эналдука, испытывали к нашему клану не просто зависть, а, как пишет автор, «безумную, разъедающую душу алчность». Отголоски их злобы и желания завладеть хоть небольшой частью тех невероятных залежей, которые таились в сердце горы, доносились даже до самых глубоких шахт.

– Многие, – сетует неизвестный летописец, – хотели бы отнять у нас наше наследие, не понимая той цены, что мы платим за него. Они видят лишь блеск золота и сияние драгоценных камней, но не видят пролитой крови, не слышат криков боли и не чувствуют постоянного дыхания смерти.

И это было чистой правдой. Эналдук – не просто гора, это живое, дышащее существо, капризное и безжалостное. Оно не отдавало своих богатств просто так. Каждый добытый самоцвет, каждая крупинка чистого металла были оплачены сполна. Шахтёры, эти настоящие герои, ежедневно жертвовали своим здоровьем, своими жизнями ради добычи всех этих руд. Они сражались с неумолимым временем, с постоянными обвалами, которые могли похоронить их

заживо в мгновение ока. Они сталкивались лицом к лицу со страшными подземными чудовищами, порождениями самой тьмы, обитавшими в глубинах Эналдука. А ещё были болезни – изнуряющие, подтачивающие тело и дух, которые настигали практически каждого шахтёра, как неизбежная расплата за проникновение во чрево горы.

– Мы – великий народ, – декларирует автор, – народ, который заслуживает безмерного уважения всех рас. Ибо кто, кроме нас, смог бы так же успешно совладать с Эналдуком? Кто смог бы проникнуть в его самые сокровенные тайны и вырвать из его объятий несметные богатства? Никто! И именно поэтому Толгар, наш великий покровитель, вознаградил нас ценностью, которой не видывал ни один человек из далёкой Тхумии, ни один дварф из холодного Снежногорья, ни один эльф из цветущего Лесного Предела.

Здесь рука летописца, казалось, дрогнула. Последние слова, выведенные более бледными чернилами, звучали как предвестие надвигающейся трагедии.

– Но если бы... – писал он, – если бы только шахтёрские лидеры тогда знали, чем эта награда обернётся для них... Чем она обернётся для всего клана Эналдук...»

Лириан замер, его перо зависло над пергаментом. Он почувствовал, как мурашки пробежали по спине. Бард был поражён глубиной и страстью, с которой это было написано. Ностальгия, боль, гордость и предостережение – всё это переплеталось в словах летописца, создавая мощное ощущение чего-то страшного.

– Корбух, – произнёс эльф, поднимая глаза от записей, – этот дар Толгара... кажется, он несёт в себе не только благословение, но и проклятие.

Бард с нетерпением ждал продолжения, чувствуя, что история, которую держит в руках его новый знакомый, гораздо более сложная и мрачная, чем он мог себе представить.

Глава 1. Божественное дарование

Всё началось на очередном собрании Совета Клана. Это было не простое заседание, а собрание самых влиятельных фигур Эналдука, призванное решать судьбу шахтёрского народа. Зал, где вершились эти дела, был не менее величественным, чем сама гора. Он был вырублен в одном из самых высоких её слоёв, где камень дышал тысячеклетной историей.

Стены, высеченные из чёрного, как ночь, базальта, были отполированы до зеркального блеска. Тысячи факелов, установленных в нишах, отражались в этих тёмных поверхностях, создавая причудливую игру теней, которая, казалось, оживляла саму гору. Потолок терялся в высоте, уходя в неизвестность, словно ночное небо раскинулось над присутствующими.

Практически в центре зала, на массивном пьедестале, высеченном из цельного куска прозрачного горного хрусталя, возвышался трон дорханга. Его светящаяся чистота символизировала власть, дарованную самим Толгаром. Вокруг трона, полукругом, располагались места для тех, кто имел честь влиять на судьбу клана.

Наконец, гул в зале медленно, но верно пошёл на убыль. Множество глаз устремились к пьедесталу. Торжественно, опираясь на посох, выполненный из чёрного дерева и инкрустированный мерцающими рубинами, на возвышение поднялся дорханг Борек Тондарт.

Его болезненная фигура, несмотря на тяжесть прожитых лет, всё ещё источала ту самую неизбежную власть, которую он носил на своих плечах десятилетиями. Морщины, как глубокие борозды, исчертили его бледное, обветренное лицо, рассказывая истории о тяжёлом труде в шахтах и о бессонных ночах, проведённых в заботах о Раффлхоллоу.

Рядом с ним, как тень, неотступно следовал его двоюродный брат и по совместительству верный советник Брунор, готовый в любой момент прийти на помощь, подсказать верное решение или, если понадобится, сгладить острые углы. Он славился своей мудростью и аналитическим складом ума, что так ценил в нём дорханг.

Борек окинул взглядом собравшихся. В этом величественном зале собралась вся элита Раффлхоллоу, цвет шахтёрского общества. Лица, хорошо знакомые ему на протяжении долгих лет правления, с которыми он делил радости побед и горечь поражений, которым он доверял и которых опасался. Здесь были главы Знатных Семей, каждый из которых представлял собой силу, с которой необходимо считаться, ведь она способная как вознести Раффлхоллоу к вершинам процветания, так и низвергнуть его в бездну хаоса.

По правую руку от дорханга, занимая почётное место, сидела его жена, Элия ТондARR, официальный представитель их семьи в Совете. Женщина с лицом, отмеченным печатью времени, но с глазами, в которых до сих пор горел огонь мудрости и любви. Она была воплощением спокойствия и невозмутимости, словно сама гора, в которой был построен город. Рядом с ней стоял её сын, Гаррек, командующий гвардией дорханга и главный советник своей матери. Его коренастая фигура, облачённая в плотный кожаный доспех, излучала силу и решимость. Тяжёлый боевой молот, фамильная реликвия Семей ТондARR, висел у него за спиной, как напоминание о его воинском долге. Суровое лицо, с выступающими надбровными дугами и тяжёлой челюстью, выражало непоколебимую преданность и готовность в любой момент защитить свою мать и своего правителя. Элия всегда чувствовала себя спокойнее, зная, что сын находится рядом.

Недалеко от неё в своём кресле неподвижно и молчаливо сидел Греммель Этарк. Его лицо, всегда скрывающее истинные эмоции, казалось ещё более непроницаемым, чем обычно. Небольшие, серые глаза сверлили окружающих, выискивая слабости и уязвимые места. Вокруг него витала аура хитрости, будто он постоянно просчитывал все возможные варианты развития событий.

Следом, словно древний идол, восседала дряхлая, но всё ещё властная Ильзетта Шайнстоун. Её тело, похожее на иссохшее дерево, согнулось под тяжестью прожитых лет, а кожа покрылась глубокими морщинами. Слепые глаза, затянутые пеленой катаракты, были устремлены в никуда, но казалось, что она видит всё и вся, проникает в самые сокровенные уголки души каждого присутствующего.

Ещё дальше загадочной тенью возвышался Морвис Ауригенос. Он скрывал своё лицо под маской из полированного розового орихалка, украшенной вставками из ауриума. Эта маска, как магический барьер, отделяла его от остального мира, пряча реальные чувства и намерения. Его деформированное тело, спрятанное под просторными одеждами, было напоминанием о той цене, которую он заплатил за свои амбиции.

Слева от дорханга сидели сёстры Йордис и Велунд Унгримм. Их суровые лица выражали непоколебимость. Они, не смотря на свою молодость, были готовы защищать интересы семьи до последнего вздоха, как два верных стража, охраняющих вход в сокровищницу. Их глаза, серые и пронзительные, всегда выглядели не по годам серьёзными.

Рядом с ними, будто надменный павлин, потирал руки Зандук Хазадур. Его самодовольное лицо выражало убеждённость в собственной непогрешимости, а изысканная одежда, украшенная драгоценными камнями, сверкала в свете факелов, демонстрируя его богатство и власть. В дальнем углу зала, в зоне, отведённой для служителей Толгара, можно было увидеть его брата Бэйлуна, верховного жреца. Его строгие одежды, вышитые тёмными нитями, контрастировали с кричащей роскошью брата. На лице старшего Хазадура читалась сосредоточенность и глубокая вера. В руках он держал посох, увенчанный символом Толгара.

Последней представительницей Знатных Семей была Фрузгида Силверборн. Её утончённая и аристократичная внешность излучала спокойствие и достоинство. Дорогая одежда,

выполненная из лучших тканей, подчёркивала её элегантность и исключительный вкус. Красивые глаза, как зеркало, отражали всю сложность и противоречивость этой гномихи.

Все они были разными, с собственными целями и амбициями. Но каждого объединяло одно – они были лидерами, теми, кто вершил судьбу Раффлхоллоу, кто определял его будущее.

Борек откашлялся, привлекая внимание к себе. Его голос, несмотря на годы и ощутимую слабость, звучал громко и уверенно, как раскат грома в горах.

– Совет Клана объявляю открытым, – произнёс он. – Сегодня мы собрались здесь, чтобы обсудить важные клановые вопросы.

На зал опустилось молчание. Все ждали, что будет дальше.

– Начнём с приятного, – сказал дорханг, с едва заметной усмешкой. – Йордис и Велунд Унгримм, как обстоят дела с поставками луностени?

Сестры, будто по команде, переглянулись, и Йордис, как более решительная из них, ответила:

– Дорханг, как вы знаете, залежи луностени истощаются. Но мы нашли новые жилы, богатые этим металлом. Готовы организовать поставки для ледяных эльфов, но... – она замялась, – нам потребуется помощь в организации безопасных караванов.

Велунд подхватила:

– Правитель Морозного Предела готов платить щедро, но он известен своей жадностью. Нам нужен опытный переговорщик, кто сможет вытрясти из этих бледнолицых как можно больше золота.

Борек кивнул, словно уже знал об этом.

– В этом вам поможет Зэлдон Златобор, – заявил он, обводя взглядом зал. – Главный посол Гильдии Торговцев знает цену каждому слитку.

В этот момент по залу пронёсся негромкий, но уверенный голос:

– Дорханг, позвольте вмешаться.

Все взгляды обратились к другому концу зала, где, занимали свои места послы Гильдии Торговцев. В центре восседал Зэлдон Златобор. Золотая цепочка, инкрустированная сверкающими кристаллами, ярко блестела на лысой голове. Его всегда немного хитрое лицо сейчас

было серьёзным и сосредоточенным. Янтарные глаза оценивающе осматривали присутствующих, выискивая выгоду. Он был одет в тщательно выглаженную, стильную одежду, украшенную серебром и драгоценными камнями, демонстрируя свой показной достаток. Его движения были лёгкими и точными.

– Я, конечно, готов помочь нашим сёстрам Унгримм, – начал Зэлдон, медленно обводя взглядом зал. – Однако вынужден поднять вопрос о распределении доли. В последнее время, как мне кажется, многие семейства забирают себе непропорционально большую часть добычи. Мы, Гильдия Торговцев, обеспечиваем транспортировку, безопасность и, по сути, доступ к рынкам. И я считаю, что доля Гильдии должна быть увеличена.

Лицо Борека Тондарра скривилось в недовольстве.

– Зэлдон, вы знаете, что политика распределения доли утверждается Советом на специальных заседаниях. И мы неоднократно обсуждали этот вопрос. Сейчас не лучшее время для таких предложений.

Брунор, стоящий рядом, тихо добавил:

– Зэлдон, нужно понимать, что все эти решения принимаются с учётом текущей ситуации и потребностей всех семейств.

Посол не отступал.

– Уважаемый дорханг, уважаемый советник, – продолжал Зэлдон, – Я понимаю, что времена беспокойные. Именно потому мы и должны пересмотреть наши методы. Гильдия не может работать в убыток, а текущая доля не покрывает риски. Я предлагаю увеличить нашу долю на... – он сделал паузу, – пять серебряных монет с каждого слитка.

В зале послышались приглушённые перешёптывания.

– Пять монет?! – воскликнул Борек, ударив посохом по полу. – Это разорение!

– Это справедливая цена за наши услуги, дорханг, – спокойно ответил Зэлдон. – Подумайте о безопасности караванов и затратах на передвижение. Наша работа невидима, но она жизненно важна.

– Ваш аргумент понятен, но...

– Дорханг, – прервал его Брунор, – возможно, стоит пойти на небольшую уступку. Пять монет, конечно, многовато, но, возможно, удастся договориться о трёх монетах? Это стабилизирует отношения с Гильдией Торговцев и обеспечит более выгодные условия для наших будущих сделок.

Борек неохотно кивнул. Он понимал, что сопротивление Зэлдона может навредить будущим поставкам, а ему нужны были эти деньги.

– Хорошо, Зэлдон, – произнёс он, – Три монеты. Но мы вернёмся к этому вопросу после первой поставки луноstones. И если они не окупятся, мы пересмотрим наши договорённости.

Посол удовлетворённо кивнул, его губы тронула лёгкая улыбка.

– Благодарю вас, дорханг. Это разумное решение.

Борек, немного раздражённый предыдущим спором, вновь обратился к залу:

– Перейдём к более насущной проблеме. Добыча золотой руды резко сократилась в последнее время. Бронзарук Скалог, прошу вашего ответа. В чём причина?

Встаёт Бронзарук Скалог, главный посол Гильдии Шахтёров, воплощение сурового гнома. Его кожа покрыта мелкими шрамами и вьёвшейся пылью, которую, кажется, невозможно отмыть. Широкое лицо с крепкими челюстями и мощным подбородком в купе с полностью лишённой волос головы успешно дополняют его образ. Глаза – цвета тёмного гранита, всегда настороженные и внимательные. Он носит грубую кожаную тунику, испачканную землёй, и массивные, прочные сапоги. На шее – толстая серебряная цепочка с подвеской в виде миниатюрной кирки.

– Дорханг, – начал он своим низким голосом, – виновата семья Этарк. Залежи золота, которые мы осваивали, находятся на территории, которую контролирует Греммель. И его семейство постоянно мешает нам работать. Они устанавливают непомерные поборы, ограничивают доступ к новым жилам, а теперь и вовсе...

В этот момент Греммель Этарк, который прежде сидел невозмутимо, резко встал. Его лицо исказилось от возмущения.

– Как вы смеете обвинять меня, Скалог?! – прорычал он. – Ваши методы устарели! Ваша тактика добычи замедляет процесс, приводит к обвалам и травмам! Мы решили перейти на новую, передовую технологию добычи и обогащения, разработанную командой моей дочери!

Он указал на молодую гномиху, которая стояла рядом с ним. Ингрид Этарк было двадцать восемь лет, и она уже принимала участие в Совете как правая рука своего отца. Её внешность отличалась от привычной суровости шахтеров. Она была стройнее, черты лица были более тонкими, а в глазах цвета молодого изумруда читался интеллект. Её безволосая голова украшалась не броскими украшениями, а тонкой серебряной брошью, закреплённой за ухо. Она была одета в практичную, но красивую одежду, что подчёркивало её положение.

Ингрид, поклонившись, вступила в диалог:

– Дорханг, уважаемые главы семейств, – произнесла она мелодичным, но, тем не менее, твёрдым голосом. – Я заверяю вас, что наша новая технология значительно ускорит процесс добычи и увеличит выход чистого золота. Да, сейчас есть некоторые сложности с отладкой, но со временем всё наладится. Нам нужно лишь немного времени и терпения.

Борек хмурился, слушая её. Его взгляд метался между Бронзаруком и Греммелем.

– Время и терпение? – саркастически повторил Бронзарук. – Мои шахтёры не могут ждать. У нас запасы золота на исходе!

– Дорханг, – вмешался Брунор, – Ингрид – талантливый управленец. Возможно, стоит дать ей шанс.

Борек тяжело вздохнул. Он видел, что Греммель явно ведёт свою игру, но предложения Ингрид звучали разумно.

– Хорошо, – ответил он, – Даю вам время. До следующего Совета. Если за это время вы не покажете результат, я лично прикажу шахтёрам расширить залежи, независимо от ваших передовых технологий. А вас, Бронзарук, я приму после заседания. Нам есть о чём поговорить.

Борек повернулся к Зандуку Хазадуре, его взгляд стал более серьёзным.

– Зандук, друг мой, – начал он, понижая голос, – Мы оба знаем, что в последнее время вокруг жречества Толгара витает много теней. Говорят, есть разногласия, есть... нечистые

дела. Я хотел бы услышать твою версию событий, а потом поговорить с твоим братом, – Борек посмотрел на Бэйлуна Хазадур.

Едва Зандук успел открыть рот, чтобы ответить, как дверь в зал Совета распахнулась. В проходе показался запыхавшийся гном, явно не принадлежавший Знатным Семьям. Его одежда была в грязи, а на лбу блестели капли пота. В руках он держал большой кусок грубой ткани, из-под которого что-то выступало, придавая ему странную, бугристую форму.

– Дорханг! – крикнул он, перебивая Зандука. – Важная находка! В шахте номер семь, под пятым уровнем! Мы нашли...

Он остановился, словно боялся произнести вслух своё открытие, и, не дожидаясь команды, приблизился к центру зала, всё ещё держа свёрток.

Борек, чьё лицо уже выражало гнев из-за прерванного разговора, взглянул на Зандука. В его глазах читался немой укор, напоминание о том, что он знает о неладном. Но теперь перед ним была более срочная новость.

– Прервём наше заседание, – прохрипел Борек, поднимаясь с трона. – Но это не конец, Зандук, – добавил он, смотря в сторону главы семейства Хазадур. – Я знаю о твоих делах с братом. Мы обязательно к этому вернёмся.

Так, – Дорханг кивнул вестнику, – покажи нам свою находку.

Гном, стоявший в центре зала, с трепетом развернул грубую ткань. В его дрожащих руках оказался кристалл, размером почти с половину гномьей головы. Полупрозрачный, серый, он выглядел обыденно, пока свет от факелов не упал на него. В глубине кристалла мерцал стержень яркого зелёного цвета, переливаясь и пульсируя, заставляя весь камень источать завораживающее, лёгкое свечение.

По залу прокатилась волна изумлённых вздохов. Даже суровые лица воинов и дипломатов смягчились, уступая место чистому восхищению.

Дорханг, забыв о своём гневе, медленно шагнул вперёд. Его обычно суровый взгляд смягчился, а пальцы сжали посох с новой силой, будто он боялся, что чудо ускользнёт прямо у него из рук.

– Что это, чёрт возьми? – выдохнул он, его голос был полон непонимания.

Всегда державший свои эмоции под контролем Греммель Этарк не смог сдержаться. Его каменное лицо исказилось в гримасе неподдельного изумления, а потом – в нескрываемой жадности. Он наклонился вперёд, его глаза, как у хищника, выслеживающего добычу, не отрывались от пульсирующего свечения кристалла.

– Невероятно... – прошептал он хриплым от внезапного волнения голосом.

Бэйлун Хазадур, казалось, полностью забыл о делах своего культа. Он смотрел на кристалл с таким благоговением, будто видел само воплощение Толгара. Его пальцы, до этого сжимавшие посох, теперь тянулись к камню, подчиняясь неодолимому зову. В глазах читалось лишь одно – непреодолимое желание обладать этим чудом.

Даже холодная Фрузгида Силверборн, всегда сдержанная и элегантная, не могла скрыть своего восхищения. Её серые глаза расширились от удивления, и в них промелькнуло что-то новое, чего никто раньше не видел – чистое, неподдельное желание.

Все взгляды в зале были прикованы к кристаллу. Каждый, от главы Знатной Семьи до простого стражника, чувствовал необъяснимую тягу к этому светящемуся артефакту. В воздухе повисло напряжённое молчание, наполненное невысказанными желаниями и предвкушением чего-то грандиозного.

Внезапно тишину пронзил высокий, немного искажённый маской голос Морвиса Ауригеноса:

– Неужели никто не видит очевидного? – проговорил он. – Этот камень, безусловно, обладает магическими свойствами. Он может быть опасен. И уж точно не место ему в руках неопытных. Лучше всего будет доверить его изучение нашим лабораториям. Мой дядя, Эшторт,

обладает несравненным знанием в области алхимии и магии. Он сможет разгадать все его таинственные свойства.

Едва Морвис закончил, как из другого конца зала раздался резкий, полный возмущения голос Греммеля Этарка:

– Доверять Ауригеносам?! Да вы с ума сошли! Они захотят забрать камень в свой Йеззем, где никто, даже наш дорханг, не сможет их контролировать! – его глаза сверкнули, когда он продолжил: – У Семьи Этарк самые надёжные хранилища. Под нашей охраной камень всегда будет в лёгкой доступности для властителя.

В ответ на его слова по залу прокатился смех сестёр Унгримм. Йордис и Велунд, не сдерживая его, переглянулись.

– Ох, Греммель, ты и правда хитрый плут, – протянула полным издёвкой голосом Йордис. – Всегда хочешь заграбастать себе всё самое ценное, даже если оно ещё не твоё.

Этарк вспыхнул, его лицо приобрело багровый оттенок.

– Я не потерплю оскорблений от девки, у которой ещё материнское молоко на губах не обсохло!

Эти слова, как удар плетью, пронзили тишину. Фрузгида Силверборн, обескураженно вздрогнула. Спокойное лицо гномихи исказилось негодованием.

– Греммель Этарк! – её голос прозвучал холодно и резко. – Как вы смеете говорить такие вещи, зная, что случилось с родителями Йордис и Велунд?! Ваши слова крайне бестактны и оскорбительны!

В этот момент, будто возникнув из ниоткуда, прозвучал голос верховного жреца Бэйлуна Хазадура.

– Остановитесь, прошу вас! – слова служителя Толгара были спокойны, но тверды. – Нет смысла оскорблять друг друга из-за этого чуда. Этот камень... он наверняка дар нашего богатопокровителя Толгара! – он произнёс эти слова с таким благоговением, что даже самые циничные члены Совета задумались. – Поэтому он должен быть передан в храм. Там, под охраной жрецов, он будет содержаться как священная реликвия, достойная поклонения.

Каждый из глав семейств, казалось, обдумывал слова верховного жреца, но в их глазах по-прежнему горело собственное желание обладать этим чудесным артефактом. Они начали беспорядочно бубнить, доказывая свою правоту.

И тут, словно из глубин горы, прорвался голос дорханга Борека Тондарра.

– Молчать! – его протяжный крик эхом разнёсся по залу, заставив всех вздрогнуть. Он резко опустился на свой трон, глубоко вдохнул, пытаясь совладать с накопившимися эмоциями. – Такое поведение... – проговорил он, откашливаясь, – не подобает членам Совета. Мы не можем допускать распрей из-за одной находки.

В этот момент, медленно, словно пробуждаясь от долгого сна, со своего места поднялась Ильзетта Шайнстоун.

– Вам есть, что сказать, уважаемая Ильзетта? – спросил дорханг.

Старуха своим скрипучим, дряхлым голосом произнесла:

– Подобный камень... должен храниться только у дорханга. Он должен символизировать его власть и силу. Но чтобы всё было честно... – она сделала паузу, её слепые глаза, казалось, видели каждого, – я предлагаю проголосовать главам семейств.

Дорханг кивнул, соглашаясь с этим предложением.

– Идея Ильзетты разумна, – заявил он. – Мы проголосуем. И это будет справедливо.

Все члены Совета, подчиняясь приказу дорханга, медленно разошлись по своим местам. Воздух в зале всё ещё был разгорячен, но теперь к напряжению добавилось предвкушение предстоящего голосования. Греммель Этарк, Зандук Хазадур и Морвис Ауригенос, чьи надежды на получение Камня Толгара были явно ущемлены, обменялись мрачными взглядами. Их недовольство было ощутимым даже сквозь маски их невозмутимости.

Брунор Тондарт, призванный вести процесс, поднялся со своего места. Его голос, чёткий и ясный, разлетелся по затихшему залу:

– Уважаемые главы Знатных Семей, – воскликнул он. – Для объективности и честности, правила голосования будут следующими. Каждый глава Семьи имеет право отдать свой голос за желаемого обладателя Камня Толгара. При равенстве голосов, Камень перейдёт под опеку жрецов Толгара, и никто не сможет им напрямую распоряжаться.

Он сделал паузу, давая присутствующим осмыслить условия.

– Итак, – продолжил Брунор, – мы приступаем к голосованию. Греммель Этарк, от имени Семьи Этарк, за кого ваш голос?

Греммель Этарк, с напускной небрежностью, но с явной ноткой вызова в голосе, ответил:

– Семья Этарк, разумеется, голосует за себя. Этот камень должен быть у нас, в наших надёжных хранилищах!

Затем Брунор обратился к Зандуку Хазадур:

– Зандук Хазадур, ваш голос?

Зандук, с самодовольной ухмылкой, заявил:

– Семья Хазадур, естественно, считает, что столь редкая реликвия должна принадлежать нам, истинным почитателям Толгара.

Брунор кивнул, записывая.

– Элия Тондарт, от Семьи Тондарт?

Элия, как всегда спокойная и рассудительная, ответила:

– Семья Тондарт голосует за то, чтобы Камень Толгара остался под прямой властью правящей семьи, как символ её силы и нашего общего благосостояния.

Её слова встретили одобрительный кивок со стороны Борека.

– Морвис, Семья Ауригенос?

Приглушённым маской голосом он произнёс:

– Семья Ауригенос, обладая знаниями, необходимыми для понимания природы таких артефактов, считает, что камень должен быть под нашим присмотром.

– Фрузгида, Семья Силверборн?

Фрузгида, чьё лицо было исполнено достоинства, но в глазах мелькнула искра интереса, заявила:

– Семья Силверборн, чья традиции, считает, что символ власти должен оставаться в руках правящего семейства Тондарт.

Йордис и Велунд Унгримм, стоявшие рядом, переглянулись.

– Мы, Унгриммы, – начала Йордис, – не претендуем на Камень, но видим, кто действительно сможет его сохранить и принести пользу всем. Мы отдаём свой голос Семье Хазадур.

Зандук Хазадур слегка кивнул, довольный поддержкой.

Теперь все взгляды обратились к Ильзетте Шайнстоун. Брунор, с явным трепетом, произнёс:

– Уважаемая Ильзетта Шайнстоун, ваш голос решающий.

Ильзетта медленно выпрямилась, её дряхлое тело, казалось, обрело новую силу.

– Я вижу, как этот камень волнует всех, – проговорила она своим скрипучим голосом. – И я вижу, как многие хотят заполучить его себе, думая лишь о собственной выгоде. Но истинная сила не в том, чтобы обладать, а в том, чтобы сохранить единство. И лишь тот, кто заботится обо всех, достоин иметь этот символ. Поэтому, Семья Шайнстоун голосует за Семью Тондарт.

Тишина, последовавшая за её словами, была оглушительной. Результат ясен.

Брунор, собравшись с духом, объявил:

– Большинство голосов было решено отдать Камень Толгара Семейству Тондарт.

В зале прозвучали аплодисменты, заглушившие недовольные возгласы Этарков, Хазадуров и Ауригеносов. Элия Тондарт, услышав решение, вновь обратилась к Совету:

– Мы, Семья Тондарр, понимаем, какую ответственность на нас возложили. Мы решили сделать Камень Толгара собственностью дорханга Эналдука. И пусть это будет ясно: в случае смены правителя, Камень не будет частью нашего семейного наследия. Он останется символом власти над всеми нами, а не личным достоянием.

Её слова вызвали новую волну аплодисментов, на этот раз более громких и искренних. Элия увидела одобрителный кивок своего мужа, Борека, который, хоть и был доволен исходом, всё ещё выглядел напряжённым.

– Спасибо вам всем за вашу работу, – произнёс дорханг, поднимаясь. – Сегодня мы показали, что можем быть едины, несмотря на разногласия. Это наша традиция – принимать решения сообща, и я рад, что сегодня мы ей следовали.

Он сделал паузу, переведя дыхание. Внезапно его лицо побледнело, и он закашлялся, прикрывая рот рукой.

– Прощу прощения, – прохрипел он. – Кажется, я немного... неважно себя чувствую. Гаррек, сынок, будь добр, отведи меня в мои покои.

Гаррек, не теряя ни секунды, тут же подошел к отцу, поддерживая его под руку.

Лириан отложил свой блокнот, задумчиво глядя на Корбуха. Его разум, привыкший к анализу человеческих мотивов и поиску скрытых смыслов, с трудом укладывал в голове картину, представленную в древних записях.

– Поразительно, Корбух, – проговорил он, задумчиво потирая подбородок. – Как эти гномы умудрялись совместно принимать решения, учитывая их столь очевидную жадность и корыстность? Каждый из них, казалось, тянул одеяло на себя, словно последний кусок хлеба на голодном пайке. Зандук, Греммель, Морвис из Семьи Ауригенос... Да и сами сёстры Унгримм, хоть и выглядели достойно, явно знали, чего хотят. Как при таком раскладе они вообще умудрялись прийти к какому-либо согласию, не перегрызя друг другу глотки?

Корбух, будто встретив поддержку своим собственным мыслям, кивнул.

– Вы правы, Лириан. Страсть к обогащению – это, пожалуй, второе, что присуще гномам после любви к своей земле. Но, – он сделал паузу, – несмотря на это, шахтёрские лидеры никогда не выходили за рамки морали, закона и пути, который проложил нам Толгар. В Эналдуке всё и всегда делается во благо Эналдука. И для всех нас это было непреклонной нормой.

Он подошёл к окну, за которым виднелся лишь тусклый свет факелов.

– А если кланом руководил грамотный дорханг, то серьёзных проблем в принципе быть и не может, – продолжил Корбух, и в его голосе послышалась нотка грусти. – Таким и был Борек Тондарр.

Лириан заинтересованно придвинулся ближе.

– Борек Тондарр? Расскажи мне о нём, Корбух. Я люблю истории о сильных правителях.

– Борек был истинным представителем своего клана, – начал гном. – Суровый, но справедливый. Он ценил порядок, традиции и преданность превыше всего. Ненависть к лести и лицемерию была у него в крови. Несмотря на долгие годы правления, Борек оставался простым и близким к народу гномом. Он часто посещал шахты, общался с шахтёрами, знал их проблемы и нужды. Дорханг мог спуститься в одну из самых глубоких шахт, чтобы лично проверить безопасность работ. Это было зрелище! Он не надевал никаких украшений, не приказывал нести себя на руках – просто шёл пешком, как обычный шахтёр, и разговаривал с людьми, как со старыми друзьями.

– О, это действительно редкость! – воскликнул Лириан. – Обычно правители предпочитают властвовать из своих дворцов, подальше от грязи и опасностей. Как говорится, «ближе к народу – дальше от бога», а тут он сам спускался в жерло горы!

– Да, он был именно таким, – кивнул Корбух. – Мудрый и опытный политик, способный принимать сложные решения и находить компромиссы. Он мог быть как добрым, так и суро-

вым, но всегда действовал в интересах Раффлхоллоу. Его целью было сохранить мир и единство клана, что, согласитесь, в наше время – большая редкость.

– Но, как я понимаю, возраст и болезненность начали сказываться? – осторожно спросил Лириан, вспомнив, как в записях описывалась болезнь Борека.

– Да, к сожалению, дорханг был уже стар. И к тому же, он страдал от хронической болезни лёгких, полученной в шахтах. Мало кто знал об этом факте, но многие догадывались. Если бы Борек был в форме, если бы он был полон сил, возможно, получилось бы избежать того, что случилось дальше. Но, с другой стороны, – добавил Корбух, его голос приобрел более задумчивый тон, – мне кажется, что даже такой мудрый дорханг, как Борек, не смог бы совладать с той злой силой, которую дар Толгара обрушил на наш клан. Она была чем-то совершенно новым и ужасным.

Лириан внимательно слушал, чувствуя, как нарастает напряжение. Он уже предвкушал, как превратит эту историю в новую, захватывающую балладу.

– И с чего же всё началось? – спросил он, держа перо наготове. – Как именно этот камень начал проявлять свою разрушительную силу?

Глава 2. Хранилище знаний

В самом сердце Раффлхоллоу располагалась библиотека при Храме Толгара. Это было место, где время, казалось, остановилось, а воздух был насыщен древним знанием. Библиотека представляла собой огромное пространство, вырубленное в самых глубоких и древних недрах Эналдука. Потолок поддерживался массивными колоннами, каждая из которых была украшена искусной резьбой, изображавшей сцены из жизни Толгара, его битвы с порождениями тьмы и дары, что он преподносил своему народу.

Стены, высеченные из светлого камня, были испещрены тысячами ниш, в каждой из которых покоился свиток, книга или глиняная табличка. Факелы, укрепленные в бронзовых держателях, горели ровным, тёплым светом, освещая ряды древних фолиантов. В воздухе витал едва уловимый аромат старой бумаги, высушенных чернил и ладана, который, казалось, служил невидимым стражем, охраняющим покой знаний.

Посередине зала, на круглом постаменте из белого мрамора, стоял алтарь, посвященный Толгару. На нём возлежал массивный золотой молот – символ божественной силы и власти. Каждый, кто входил в библиотеку, ощущал трепет перед этим местом, где прошлое сливалось с настоящим, а мудрость веков пронизывала каждый камень.

Именно здесь, среди древних манускриптов, в слегка освещаемом полумраке, встретились двое юных гномов. Они были представителями самых влиятельных семейств Раффлхоллоу, но в этом месте родство и амбиции отступали на второй план, уступая место их общей страсти – жажде знаний.

Квилун, младший сын самого дорханга Борека, был полной противоположностью своего отца. Ему всего семнадцать лет, но в его небольших серых глазах уже светился разум, которому мог бы позавидовать иной мудрец. Худошавый, но жилистый, он больше походил на эльфа, чем на гнома. В отличие от своего брата и отца, его черты лица были мягче, а на полностью лысой голове не было ни следа шахтёрской пыли. Простая, но добротная одежда тёмного цвета

и кожаная сумка, перекинута через плечо, говорили о его сосредоточенности на знаниях, а не на внешнем блеске.

– Квилун, ты только посмотри на это! – возбуждённо воскликнул Эдгрон. Юноша держал в руках ветхий свиток, откопанный им в куче старинных документов. – Думаю, я нашёл что-то... необычное!

Бледная, ровная кожа и стройное телосложение сына Греммеля Этарка резко контрастировали с суровым обликом большинства гномов. К тому же парень отличался от членов своей семьи не только внешностью, но и характером. Добрый, наивный и мечтательный, он не разделял жажды власти и богатства, присущей его родне. Он предпочитал проводить время вдали от политических интриг, в компании друзей, занимаясь любимым делом. В его глазах, цвета изумруда, читалась искреннее стремление к пониманию мира.

Квилун подошёл ближе и с особым интересом посмотрел на приятеля.

– Что там? – спросил он, склоняясь над свитком. – Это действительно что-то стоящее?

– По-моему, да! – ответил Эдгрон, крепко сжимая пальцами пергамент. – Это древние тексты, описывающие геомендию. И, кажется, я нашёл там упоминание о чём-то, чего раньше мне не доводилось слышать...

– Геомендия? – Квилун вопросительно поднял бровь. – Мы ведь всё знаем об этой народной магии. Интуитивное чувство земли, предсказание обвалов и местонахождения руд – мастер Шаздрук поведал нам о каждом аспекте геомендии, которому обучаются нюхачи. Что там может быть такого необычного?

– Тут говорится нечто новое о нюхачах, – прошептал дрожащим от волнения голосом Эдгрон. – О том, как они могут развить свои способности до такого уровня, что будут способны чувствовать не только руды и драгоценные камни, но и... лёгкие вибрации земли и пыльных частиц от движений различных существ в пещерах!

– Что значит движений различных существ? – Квилун нахмурился, пытаясь понять.

– То и значит! – сказал Эдгрон. – Такой навык может обезопасить шахтёров от внезапных нападений костоломов!

Каждый шахтёр с детства знает об этой страшной напасти, которая уже на протяжении множества столетий мешает их народу спокойно заниматься своей работой. Костоломы – это ужасающие подземные монстры, которые передвигаются на четырёх когтистых лапах, с длинными, костлявыми пальцами. Их тела покрыты тусклой, землистой шкурой, а вместо глаз – лишь пустые глазницы, в которых мерцает зеленоватое, злобное свечение. Они обездвиживают своих жертв, ломая им кости одним лишь касанием, после чего забирают их в свои гнёзда. И самое страшное – они наслаждаются процессом нанесения увечий. Эти чудовища не убивают сразу, нет. Они медленно, мучительно раздробляют тело жертвы, наслаждаясь её криками и страданиями. Их гнёзда находятся в самых тёмных и труднодоступных пещерах, и они обожают собирать там трофеи – кости своих жертв.

– О, Толгара ради! – воскликнул Квилун. – Если это правда, Эдгрон, то такая находка может спасти множество жизней! Представь, сколько шахтёров могли бы избежать гибели от лап этих тварей!

– Да! – согласился юный Этарк. – Это действительно ценное открытие! Теперь мы сможем заранее готовиться к нападению костоломов – укрываться или даже давать им отпор.

Квилун, словно вновь обретя вдохновение, вернулся к своему манускрипту.

– А я, кажется, нашёл кое-что интересное здесь, – произнёс он. – Это описание древних ритуалов, связанных с геомендией. Похоже, наши предки использовали её не только для добычи руды, но и для... общения с горой.

– Общения с горой? – недоверчиво переспросил Эдгрон. – Это как?

– Похоже, что они могли чувствовать её настроение, боль и даже радость, – объяснил Квилун. – Как будто сама гора была живым существом, которое они могли понимать и которому могли отвечать.

– Невероятно! – удивился Эдгрон. – Наши предки владели ценнейшими знаниями, и они как-то оказались утрачены...

Лириан, слушая этот рассказ, лишь приподнял брови.

– Общение с горой? – пробормотал он себе под нос. – Похоже, гномы всегда были близки к природе. А эти нюхачи... Звучит как своего рода эльфийские друиды, только в каменных пещерах. Интересно, насколько далеко они могли продвинуться в своих способностях?

– Вы не представляете, на что способен тот шахтёр, который овладеет геомендией на высочайшем уровне, – с гордостью ответил ему Корбух. – Эта врождённая магия, дарованная нашему народу Толгаром, позволяет носителю данной силы установить невероятно крепкую связь с подземельным миром. Таковую, что любое природное препятствие или ставший на пути враг окажутся бессильными перед ним.

– Удивительно, но я впервые слышу об этой геомендии, – задумался Лириан. – Среди эльфов вообще бытует мнение, что вы, шахтёры, просто ни на что не годные подземные крысы, спрятавшиеся от всего мира. Я и подумать не мог, что ваш народ способен творить какую-либо магию. Казалось, что просто копать в шахтах – это потолок ваших возможностей.

Корбух, услышав это, немного нахмурился.

– К сожалению, это очень распространённое заблуждение, – заявил он, вздохнув. – Нас действительно часто недооценивают. Люди и эльфы видят лишь нашу работу и нашу, как вы выразились, «подземную крысиную жизнь». Они не знают о наших традициях, о верованиях, о внутренней силе. Геомендия – это лишь одна из граней нашего наследия, которую мы, к сожалению, не всегда можем продемонстрировать внешнему миру. Многие из нынешних лидеров, да и обычные шахтёры, предпочитают не распространяться об этих древних искусствах. Возможно, из-за страха или непонимания, а возможно, потому, что считают их слишком... непрактичными. Но знайте, Лириан, наш народ гораздо сложнее и глубже, чем кажется на первый взгляд. Мы – дети горы, и её сила живёт в каждом из нас.

Корбух вновь вернулся к своим записям, его пальцы заскользили по пожелтевшим страницам.

Глава 3. Последний вздох

Закончив исследование древних свитков, Квилун и Эдгрон покидали величественное здание Храма Толгара, погружаясь в суету вечернего Раффлхоллоу. Воздух, ещё недавно наполненный запахом древних книг, теперь был пропитан ароматами готовящейся еды, дымом из очагов и едва уловимым запахом сырой земли. Улица, по которой они шли, была узкой и извилистой, петляющей между жилыми домами, выдолбленными прямо в скале. Стены казались прохладными на ощупь, а из небольших, затянутых тканью окошек доносились тихий гомон разговоров, смех детей и стук молотков. Жизнь в этом квартале текла своим чередом, несмотря на близость к храму и его священным тайнам.

– Удивительно, как быстро стираются грани между великими открытиями и повседневной жизнью, – произнёс Квилун, с восхищением глядя на суету вокруг. – Вот только что мы прикоснулись к секретам тысячелетий, а сейчас – обычный вечер в шахтёрском городе.

– Да, конечно! – ответил Эдгрон. – Но знаешь, чем больше я думаю об этом, тем больше мне кажется, что наши лидеры не так уж заинтересованы во всех этих великих секретах. Отец, например, считает, что всё, что не приносит золота или не укрепляет власть – бесполезно.

– Увы, такова реальность, – вздохнул Квилун. – Но, может, наши открытия когда-нибудь пригодятся, даже если сейчас никто не захочет их слушать.

В этот момент, откуда ни возьмись, раздался громовой возглас:

– Квилун! Ты где шлялся, бездельник?!

На улице неожиданно появились несколько гвардейцев дорханга: коренастых, мускулистых гномов, с широкой грудью и мощными руками. Их движения были уверенными и резкими. Каждый из них носил тяжёлый кожаный доспех, усиленный стальными пластинами, практичный и без излишеств. На поясах висели крепления для оружия, а за спиной – массивные боевые молоты. Их суровые лица, с выступающими надбровными дугами и тяжёлыми челюстями, были покрыты мелкими шрамами, а маленькие глаза смотрели исподлобья.

Впереди них, словно грозовая туча, надвигался старший брат Квилуна. Фигура Гаррека была воплощением силы и решительности. В свои тридцать два года он был тем гномом, чей вид внушал уважение и страх. Тяжёлый боевой молот, закреплённый за спиной, казалось, был продолжением его могучего тела.

– Отец ждёт тебя! – резко крикнул Гаррек. – Где ты пропадал весь день, пока в клане такое происходило?!

Квилун испуганно вздрогнул, но попытался сохранить самообладание.

– Брат, я... мы были в библиотеке Храма Толгара, изучали старинные тексты. Я нашёл кое-что...

– Библиотека?! – лицо Гаррека исказилось от гнева. – Ты опять копался в своих пыльных книгах?! Я же говорил тебе, что твои эти науки – пустая трата времени! Тебе надо было учиться воинскому искусству, как подобает сыну дорханга! А не сидеть в четырёх стенах, как старый писарь!

– Гаррек, прошу тебя... – начал было Квилун, пытаясь защитить своё увлечение.

– Заткнись! – рявкнул Гаррек. – Мне некогда слушать твои оправдания. Отец уже стар, и ему нужны сыновья. А ты... – он повернулся к Эдгрону, его взгляд был полон презрения. – А ты, сын Этарка, зачем шатаешься с моим братом? Твоя семья – наши враги. Ты должен держаться от него подальше!

Эдгрон съёжился под его гневным взглядом.

– Гаррек, ты же знаешь, что мы просто друзья... – тихо проговорил он.

– Друзья?! – усмехнулся Гаррек. – В нашем положении нет места дружбе! Только верность клану и семье! А ты, Квилун, – он снова повернулся к брату, – немедленно иди к отцу! И не смей больше тратить время на свои глупости!

Гаррек развернулся и, не дожидаясь ответа, пошёл прочь, а гвардейцы, бросив на юношей последний гневный взгляд, последовали за ним.

Квилун, понутив голову, остался стоять на месте, чувствуя, как обида и разочарование накрывают его с головой. Он хотел объяснить Гарреку, что его находка может спасти множество жизней, но знал, что брат не станет его слушать.

– До скорого, Эдгрон, – тихо сказал Квилун, – Мне пора. Отец ждёт.

Он посмотрел на Гаррека, который уже умчал далеко вперёд.

– Гаррек, – начал было Квилун, пытаясь догнать брата, – Я понимаю, что ты думаешь о моей работе... но это не просто глупости! Это...

– Мне плевать, что это, Квилун! – прервал его Гаррек, не замедляя шаг. – Отцу плохо, и сейчас не до твоих исследований. Клан на грани войны, и нам нужно быть сильными. А ты... ты слишком мягок для этого.

Квилун стиснул зубы, но понял, что спор бесполезен. Переубедить брата в чём-либо невозможно.

Спустя час следования по жилым кварталам Раффлхоллоу сыновья Борека Тондарра добрались до его владений. Крепость дорханга располагалась на вершине квартала правительства, откуда открывался вид на весь город. Стены, сложенные из огромных, идеально подогнанных друг к другу каменных блоков, казались неприступными. Высокие, узкие окна напоминают бойницы. Над массивными воротами, украшенными резьбой и символами клана Эналдук, возвышалась массивная башня, служившая дозорной. Вход был охраняем двумя гвардейцами, чьи взгляды были крайне внимательны.

Внутри крепость дорханга была ещё более впечатляющей. Огромный, просторный холл, с высокими потолками, украшенными фресками, на которых изображены сцены из жизни предков клана. Пол был выложен плиткой из чёрного камня, отполированного до блеска, а стены были украшены оружием, доспехами и трофеями, добытыми в битвах. В центре зала, на высоком постаменте, стоял большой каменный бюст Толгара, излучающий древнюю силу.

Гаррек, не теряя ни секунды, направился к покоям отца. Квилун, оглядываясь по сторонам, старался поспеть за братом.

У самой двери в покои, где, казалось, воздух был ещё более густым от напряжения, они столкнулись со своим двоюродным дядей. Деррен Тондарр выглядел ухоженным и элегантным. Его средний рост и коренастое телосложение совсем не выдавали в нём гнома. Правильные черты лица, прямой нос, твёрдый подбородок и тёмно-карие глаза с хитрым огоньком делали его харизматичным и располагающим к себе. Он был одет в дорожную, но не вычурную одежду тёмных тонов, а на пальце сияло массивное золотое кольцо с печаткой Семьи Тондарр.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.